

Неизвестная статья из «швейцарского» цикла Андрея Белого

*Предисловие, публикация и комментарии
К. М. Азадовского и А. В. Лаврова*

С весны 1912 до осени 1916 г. Андрей Белый находился за границей (за исключением нескольких месяцев в 1913 г.), где, став последовательным приверженцем антропософии Рудольфа Штейнера, постоянно пребывал в кругу адептов этого учения. Начало мировой войны застало его в Швейцарии, где Белый вместе с другими учениками Штейнера участвовал в строительстве (в Дорнахе, под Базелем) антропософского центра – Гетеанума. На территории страны, сохранявшей политический нейтралитет, оказались вместе, как участники воодушевлявшего их дела, уроженцы стран, воевавших друг против друга. Белый зафиксировал возникновение некоторых трений и осложнений в личных взаимоотношениях на этой почве, но в общем и целом пришел к выводу, что испытание войной члены интернационального антропософского сообщества сумели выдержать достойно: «Первое впечатление войны: еще крепче схватиться за общее дело; все мы – кто бы ни были – русские, немцы, австрийцы, французы, поляки: мы – братья в несчастье; мы – жертвы “политик” преступных; “политика” наша: схватиться за общее дело, остаться при стройке; мобилизованный Штраус (баварец), который шел в армию ухаживать за пленными ранеными, все записывал слова русские, чтобы быть полезным увечным, могущим попасться к нему. Нас связали: “любовь, солидарность, ответственность”»¹.

Стремление противопоставить изначальные общечеловеческие гуманистические ценности сиюминутным «патриотическим» установкам сказывается в значительной мере в цикле статей на злободневные темы, которые Белый пересылал из Швейцарии в петербургскую газету «Биржевые Ведомости». Начало этой работы относится, согласно ретроспективным записям Белого, к декабрю 1915 г.: «Пишу два фельетона для “Биржевых Ведомостей”»²; позднее он регулярно отправлял свои очерки в Петербург в течение следующего полугодия: «Пишу 2 фельетона в “Биржевые Ведомости”» (январь 1916 г.); «Пишу 2 фельетона в “Биржовку”» (февраль); «...пишу фельетоны (сколько, не помню: в “Биржовку”)» (март); «Пишу ряд фельетонов для “Биржовки”» (май)³. Всего в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» в 1916 г. было опубликовано 11 статей Андрея Белого: «Гремящая тишина» (№ 15442, 15 марта), «Горизонты сознания» (№ 15446, 17 марта), «Кризис жизни» (№ 15472, 30 марта), «Природа» (№ 15488, 7 апреля), «У немецкой границы» (№ 15527, 29 апреля), «Современные немцы» (№ 15573, 22 мая), «О злободневном и вечном» (№ 15635, 23 июня), «Восток или Запад?» (№ 15661, 6 июля), «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (№ 15701, 26 июля), «Мерт-

вые города» (№ 15745, 17 августа), «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии» (№ 15757, 23 августа). Содержание части этих статей, в переработанной редакции, нашло отражение в философско-публицистическом цикле фрагментов «Восток или Запад»⁴, который, в свою очередь, вошел в состав книг Белого «На перевале. I. Кризис жизни» (Пб., «Алконост», 1918) и «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб., «Алконост», 1918)⁵.

Одна из проблем, к которым Белый неоднократно обращался в этом газетном цикле, — проблема восприятия европейцами, и швейцарскими немцами в первую очередь, русской культуры и русского национального самосознания. Белый с удовлетворением констатирует пробуждение подлинного интереса к России, начавшего наконец доминировать над расхожими мифами и предрассудками. Статью «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии», включившую реферативно-аналитическое изложение нескольких немецкоязычных публикаций, он открывает знаменательными умозаключениями:

«Русскому невыносимо читать характеристики русских нерусскими; невыносимее всего похвалы с их дипломами на право числиться “западом”.

Очень многое, что писалось “за и против” России, писалось не о России, а о... “теле медведя”, для одних очень милом и для других очень грозном; в изображении души русской жизни души-то и не было: было... “тело медведя”...

Теперь — все не то.

Метод касания русской жизни иной; характеристика бытовых явлений — живее, конкретней; и слова иностранки о том, что хотела бы и она повидать горный город Москву (это — факт), были образом и подобием моральных определений России со стороны иностранцев»⁶.

При этом Белый признает, что и поныне былое невнимание европейцев к русским, их пренебрежение в ответ «на протянутую руку дружбы» продолжает сказываться негативным образом: «...интересен сейчас глубочайший разгром первоначальных мнений о русском народе в немецком сознании; с лихорадочной поспешностью бросились изучать ныне немцы не изученное ими явление: сознание многомиллионного народа...»⁷.

Как один из симптомов пробуждения этого интереса Белый рассматривает появление новых переводов русских авторов на немецкий язык и обращение к русской проблематике в немецкоязычной печати, о чем он пишет в небольшой статье «Русская литература в Германии». Она явно принадлежала к «швейцарскому» циклу, обнародованному «Биржевыми Ведомостями»; перед текстом даже имеется порядковый номер: VI. Если все статьи, ранее послывавшиеся Белым в газету, были там напечатаны, то данная публикация должна была появиться следом за пятой статьей («У немецкой границы»), однако «Русская литература в Германии» лишь отложилась в архиве Андрея Белого и, по всей веро-

ятности, не была отправлена в петербургскую редакцию: вместо нее Белый представил статью «Современные немцы», шестую по общему счету публикаций, в которую в несколько видоизмененной форме включил ряд положений, сформулированных в «Русской литературе в Германии». Основная тема, затрагиваемая в «Современных немцах», — особенности общественного сознания людей, наблюдаемых автором в Швейцарии, и некоторые новые симптомы в нем, порожденные изменившейся исторической ситуацией, в том числе и обострившийся интерес к России: «С деловитостью практичных людей изучают они нашу жизнь, быт, особенности сознания, литературу, моральные задания наши; интерес обусловлен, конечно, моментом и, конечно, сознанием неверного понимания нас до войны, сознанием совершенной ошибки: пренебрежением к нашей жизни; изучение переходит в спорт, а спорт, как ни странно сказать, в... увлечение»⁸.

Статья «Русская литература в Германии» (машинопись с авторской правкой, 5 л.) была передана А.А.Тургеневой наряду с другими материалами архива Андрея Белого в Государственный Литературный музей. Она публикуется по хранящемуся там тексту (ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 23. Оф. 6321).

Андрей Белый

Русская литература в Германии

Вынужденный проживать близ немецкой границы, вынужден я на нейтральной почве порою встечаться с германцами; вынуждены бывают германцы порою претерпевать и меня. Швейцария создает эти встречи; подчас делает их неизбежными; протекают они неожиданно без взаимного озлобления, потому что пункт раздора, война, — швейцарцами упразднен; резкие столкновения немцев с русскими неприличны для немца и русского по отношению к швейцарцу; и немец — смягчается; более того: у находящихся здесь культуртрэгеров доминирует деловой взгляд на вещи; военные операции ими не вносятся в разговор о русском самосознании, литературе, культуре и о вопросах религии и философии; в вопросах войны, разумеется, сознание немца несоизмеримо с нашим; в других темах здесь встречаемый немец (я разумею мыслителя, эстетика, искателя правды) старается быть по возможности куртуазным и гибким.

Мне приходится видеть мирнейших культурных людей; и я должен отметить — любопытную черточку: тот считает себя поклонником... Гончарова; тот — Толстого; этот спрашивает о переведенной книге Вольтерского (о «Книге великого гнева»)»; тот цитирует Мережковского: по Мережковскому говорят о не усвоенных ими явлениях русской жизни; восхищаются Достоевским и т.д. Интерес к России в настоящее время повышен; имена русских лидеров партий передаются — тут, здесь; что-то тревожное, что-то робко-смущенное появилось теперь в разговоре культурного немца; он стал почтительней: тона этого до войны я не слышал.

Появилось сознание незнакомства с Россией; появилось сознание банальности прежде принятых мнений о русских; интересуют русские пленные; и культурное общество (вопреки сознанию низов и, конечно, властей) с удивлением о них говорит; приходится даже выслушивать заявления: об удивительных русских глазах, вынесенное из осмотра лагерей пленных; удивляются незлобивой кротости русского.

С дальновидною деловитостью очень практичных людей поговаривают о подготовке будущей встречи на почве культуры; явно хотят они мира: какая-то осознается ошибка; ошибку пытаются они, как умеют, поправить; все это не высказывается; но все это очень явно сквозит в разговорах, в невольных словесных обмолвках.

В силу именно этого именно в час войны повышается спрос на русское: ручные изделия пленных показываются с интересом; эти изделия хвалят; русскую литературу переводят и — собираются переводить еще более; удивляются своеобразному юмору гоголевской “Женитьбы”; и эта пьеса с успехом проходит в Берлине¹⁰; вторым томом выпущен только что Соловьев¹¹; обсуждаются “Духовные основы жизни”; и интригуют весьма “Три разговора” с повестью об Антихристе¹²; только что переведен Салтыков-Щедрин (“Господа Головлевы”)¹³; поговаривают о переводе Сологуба и Ремизова¹⁴; один представитель крупной книжной фирмы в Голландии, опираясь на повышенный интерес немцев к русским, говорил со мною о русской литературе как о будущей моде в Германии и Голландии; весьма читается Мережковский. И в журнальных статьях учащаются русские имена; в “Zukunft” появляется выдержка из Максимилиана Гардена “Чем мы обязаны русской литературе”¹⁵. В “Literarische Echo” трактуют о русском народе¹⁶ и печатается разбор об истекшем литературном годе в России¹⁷; крупные имена перечислены все; отмечено все, появившееся в России: сочувственно разбираются Леонид Андреев и Горький; и иронически отмечается: расхождение прежних взглядов Валерия Брюсова с одушевляющими его ныне; подчеркивается, что он сжег корабль¹⁸; разбираются многообразные течения современной поэзии русской, начиная от Блока, Игоря Северянина, Гумилева и кончая Столицей¹⁹, крайними футуристами и вовсе юною молодежью; восхваляется Блок²⁰ и уязвляется Городецкий за якобы бессилие своих патриотических стихотворений²¹; в заключение высказано желание: в будущем работать совместно с литературою русской; отмечен гуманный тон русской печати по отношению к корифеям немецкой литературной культуры²²; сочувственно отмечены возражения русской прессы на реферат г. Владимира Эрна “От Канта к Крупну”, как симптомы сознательности²³.

Все это показательно: стойкое сопротивление русских* вызвало это повышенное как-никак уважение к представителям русского духа; тон германцев — тон новый; его не было до войны; интерес**

* Далее зачеркнуто: *вслед за явной досадою.*

** Далее зачеркнуто: *растерянность.*

налицо; видно стремление распутать какую-то думу о им непонятной России; и — понять, во что бы ни стало — понять²⁴.

В разговорах и мнениях немцев о русской культуре — досадные aberrации; преодолеть невозможно их; так война-де заведомо инспирирована огромным культурным течением; представители этого течения были немцам до сей поры неизвестны; но — явно-де: русское общество ныне в круге идей... Данилевского (?), Аксакова²⁵, Страхова, Мережковского; и — так далее, далее: имена эти свалены в кучу; все это — славянофилы; не Михайловский, Белинский и прочие, а они, славянофилы, влияли-де; в решимости русского общества продолжать войну-де виновны они.

Объяснить нет возможности, что именно этих авторов очень мало читают (за исключением Мережковского); были случаи: учили меня, русского литератора, русской литературе; целое течение-де не увидел я просто; что его и нет, мне не верят. В одной интересной статье, посвященной войне*, Хомяков назван тонкой и нежной душою с превратной идеею. Шовинизм видят там, где его не бывало; статья Мережковского “Святая София”, переведенной вместе со сборником, где она напечатана, придают иные чисто завоевательный смысл²⁶; в идее освобождения славян усматривается тонкая спекуляция на идеальном порыве.

Славянофилам противопоставляется Соловьев; и появляются редкие немцы (впрочем, не столь уже редкие) — поклонники Вл.Соловьева... Мне приходилось бывать в обществе, где встречаются — немцы, французы, швейцарцы, поляки, голландцы, скандинавы и русские; по обычаю, заведенному здесь швейцарцами, не говорят о войне; тем жаднее ощупывают друг друга на почве культурных стремлений; мне не раз приходилось отмечать горячее и комичное увлечение молодых “культуртрэгеров”, старающихся развивать витиеватые взгляды свои о русском народе; видно желание пококетничать оригинальностью своей мысли; удивить отсутствием всякой враждебной предвзятости; четверостишие стихотворения Тютчева о России —

Не поймет и не оценит
Чуждый взгляд иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной²⁷ —

очень родственно русским; и ими подчеркнуто перед немцами; наблюдательный культуртрэгер ныне это подметил, учел и... по-своему понял так: перед ним шарада; разрешить ее немцу трудно; но, разумеется, можно — особенно тонкому, культурному немцу, особенно поклоннику Достоевского (среди молодежи поклонников этих очень много)²⁸; разрешать шараду пред русским, ссылаясь на примитивность русского, — дурной тон; культуртрэгер понял, что вопрос

* Далее зачеркнуто: сам Аксаков.

и мудреней, и тоньше; и принимается он разрешать тайны русского духа с любопытством и затаенною жаждою попасть в точку; собеседник, разумеется, не согласен; и — подымается спор; этих споров не было до войны; и не было любопытства; оно растет с каждым днем; и, вероятно, оно, как ни кажется это странным теперь, очень скоро окрепнет в моду на русское.

Так ли это, мы скоро увидим.

1916. Апрель.

¹ Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере / Подгот. текста, предисл. и примеч. Фредерика Козлика. Paris, 1982. С. 269–270.

² Андрей Белый. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 77.

³ Там же. Л. 77 об. — 78 об.

⁴ См.: Эпоха. Кн. 1. М., «Альциона», 1918. С. 161–210.

⁵ Ср.: Бузаева К., Петровский А., <Писес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 620–621.

⁶ Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. 23 августа (№ 15757). С. 2.

⁷ Там же.

⁸ Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. 22 мая (№ 15573). С. 2.

⁹ См.: Wolynski A.L. Das Buch vom grossen Zorn. Übersetzung nach dem vollständigen russischen Manuskript von Josef Melnik. Frankfurt a.M., 1905. — Сборник лекций Волянского «Книга великого гнева» был впервые опубликован в Петербурге в 1904 г.

Иосиф (Осип Соломонович) Мельник (1880–?) — журналист и переводчик, выходец из России; в начале 1900-х годов жил в Берлине. В 1902–1905 гг. перевел на немецкий язык (нередко — с рукописи) труды А.Л. Волянского и способствовал их появлению в Германии. Сохранились 13 его писем к А.Л. Волянскому за 1902–1910 гг. (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 636).

¹⁰ «Женитьба» Гоголя была впервые поставлена на Камерной сцене Немецкого театра в октябре 1908 г. (переводчик — Карл Риттер; режиссер — Вольдемар Рунге); следующая постановка — лишь в марте 1919 г. (берлинский театр «Фольксбюне»). О каких-либо постановках этой пьесы в годы войны авторитетные справочные издания не сообщают (см., например: Berthelmann Schauspielführer. Herausgegeben von Klaus Völker. München, 1992. S. 173; Harenberg Schauspielführer. 3. vollständige und erweiterte Auflage. Dortmund, 2003. S. 374). Среди переводчиков «Женитьбы» на немецкий язык в разное время были также Иоганнес фон Гюнтер, Артур Лютер, Луиза Флакс-Фокшанеану, Август Шюльц и др., чьи переводы сохранились главным образом в виде рукописей, предназначенных для сценического использования. См.: Schauspieltexte im Theatermuseum der Universität Köln. Ein Bestandskatalog mit theaterhistorischen Anmerkungen / Bearbeitet von Roswitha Flatz. München; New York; London; Paris, 1990. Bd. 4.

¹¹ Имеется в виду второй том «Избранных сочинений» В.С. Соловьева, появившийся в 1916 г. в шуттгартском антропософском издательстве «Der kommende Tag» («Грядущий день»): Solovjevff W. Ausgewählte Werke / Aus dem Russischen von Harry Köhler. 2 Bd. Stuttgart, 1916. Содержание тома: «Оправдание добра. Философия морали».

Харри Келер — псевдоним Харриет фон Вацано (Vasano; 1882–1949), антропософки, одной из сподвижниц Штейнера. В 1910-х годах жила в Мюнхене; знакомая М.В. Сабашниковой. Ее итоговый труд — четырехтомное издание сочинений В.С. Соловьева (первый том — в двух книгах), завершённое в 1922 г. изда-

тельством «Der kommende Tag»; финансировалось видным деятелем Антропологического общества графом Отто фон Лерхенфельдом. Умерла в Дорнахе. «Frau Wakana» упоминается Белым в «Ракурсе к Дневнику» – в перечне его «антропологических знакомцев» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 80об.).

¹² Первый том сочинений В. С. Соловьева, изданный в переводе Х. Келер в 1914 г. в Йене известным издательством Ойгена Дидерихса, содержал в себе следующие работы: «Духовные основы жизни», «Тайна прогресса», «Воскресные и пасхальные письма», «Три разговора».

¹³ См.: *Saltykow-Stschedrin M. Die Herren Golowjow. Roman / Aus dem Russischen übersetzt von Fega Frisch. München, 1914.* Книга выпущена издательством Георга Мюллера.

Фега (Фейга) Фриш (урожд. Лившиц; 1878–1964), переводчица русских писателей (Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Л. Н. Толстого, Чехова, М. Горького, Ф. Сологуба, Ремизова и др.). Родилась в Гродно. С 1902 г. – жена немецкого эссеиста, переводчика (с французского, польского и русского языков) и издателя Эфраима Фриша (1873–1942). В 1933 г. супруги эмигрировали в Швейцарию.

¹⁴ Ф. Сологуб как писатель был к тому времени достаточно хорошо известен в Германии: его произведения публиковались в венской периодической печати и выходили отдельными книгами уже в конце 1890-х годов (в переводе Александра и Клары Браунеров). Впоследствии стихи и прозу Сологуба переводили Р. фон Вальтер, И. фон Гюнтер, И. Мельник, Л. Рубинер, Ф. Рубинер, А. Элиасберг и др. В 1908 г. в мюнхенском издательстве Вебера появилась изданная небольшим тиражом изящная «Книга сказок» (*Sologub F. Das Buch der Märchen. München, 1908*) в переводе Ганса фон Гюнтера и с иллюстрациями Отто фон Гутенегга; в 1909 г. в том же издательстве был выпущен «Мелкий бес» в переводе Р. фон Вальтера.

А. М. Ремизов был известен гораздо меньше. Его произведения стали широко издаваться в Германии лишь с 1922 г. – после отъезда писателя из России. Среди первых крупных публикаций Ремизова в Германии – книга «Крестовые сестры», изданная в 1913 г. в Мюнхене (в переводе Феги Фриш и со вступлением Евгения Аничкова), и выпущенный в 1917 г. в Веймаре сборник ремизовской прозы под общим названием «Царевна Мымра» (перевод Александра Элиасберга).

¹⁵ *Максимилиан Гарден* (наст. имя и фамилия – Максимилиан Феликс Эрнст Витковский; 1861–1927), известный немецкий публицист, театральный критик, издатель и главный редактор влиятельного берлинского еженедельника «Die Zukunft» (1892–1922). Живо интересовался русской литературой, писал о Гончарове, Достоевском, Л. Толстом и др. (в конце 1880-х – начале 1890-х годов), был лично знаком и переписывался с некоторыми деятелями русской культуры (например, с А. С. Сувориным).

Статья М. Гардена под указанным названием в «Zukunft» не появлялась. Белый имеет в виду вступление Гардена к «русскому» номеру журнала «Aktion» (1915. Jg. 5. № 43/44. 23. Oktober. S. 530–531), посвященному памяти Л. Н. Толстого. Вступление представляет собой письмо к Францу Пфемферту (1879–1954), редактору «Die Aktion», и целиком посвящено русской литературе (слова Белого, взятые в кавычки, довольно точно отражают ее основное содержание).

Текст своего предисловия к «русскому» номеру «Die Aktion» Гарден перепечатал и в своем журнале (*Die Zukunft*. 1915. 11. Dezember. S. 335–336).

Не подлежит сомнению, что Андрей Белый не только держал в руках, но и внимательно читал оба журнала. В первом из них был напечатан (под названием «Невский проспект») отрывок из романа «Петербург» (перевод *Нади Штраассет*, 1871–1955). Кроме того, в этом же номере «Aktion» были помещены: стихотворение Пушкина «Пророк», стихотворение Некрасова «Забытая деревня», два стихотворения Блока (перевод Р. фон Вальтера), рассказ И. С. Тургенева «Егорушка», статья В. С. Соловьева «Сверхчеловек Фридриха Ницше», статья

Л.Н.Толстого «Об общественном мнении» и т. д. Белый упоминался и в предисловии Гардена (перечисляя наиболее видных, с его точки зрения, русских писателей, Гарден называл – среди живущих – Горького, Леонида Андреева, Андрея Белого и Мережковского).

¹⁶ О русском народе «траговала», в частности, статья К.Нетцеля «Русский народ в оценке ее великих писателей», которую, по всей видимости, и имел в виду Андрей Белый. (См.: *Nötzel K. Das russische Volk in der Beurteilung seiner grossen Schriftsteller // Das literarische Echo. 1916. Heft 8. 15. Januar. S. 474–480.*)

Карл Нетцель (1870–1945), эссеист, переводчик; автор многих работ, посвященных России, русскому народу и русскому национальному характеру. См.: *Данилевский Р.Ю.* Москвич Карл Нетцель и его мысли о России // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 486–492.

¹⁷ Имеется в виду: *Rudniański S. Russischer Brief // Das literarische Echo. 1916. Heft 9. 1. Februar. S. 572–580* (раздел «Echo des Auslandes»). – Статья («Русское письмо») представляет собой обзор русской литературы за 1915 г. Личность С.Руднянского, автора ряда обзоров и статей в двухнедельном издании «Das literarische Echo», установить не удалось. Есть основания предполагать, что Руднянский – один из псевдонимов известного переводчика, историка литературы и критика Артура Лютера (1876–1955), «застрявшего» в 1914 г. в Германии и широко пользовавшегося в 1915–1918 гг. различными псевдонимами (см.: *Харер К.* Тройные почести. А.Ф.Лютер и его воспоминания // Звезда. 2004. № 9. С. 164–165).

¹⁸ О Брюсове в статье С.Руднянского говорилось следующее: «Бывший модернист, а затем безупречно-академический «парнасец», Брюсов хотя и заявляет, что «не нужны напыщенные слова... неуместные воскращения, обманчивые грезы, прекрасные утопии», однако сам изменяет этому справедливому предостережению: прозист «тевтонским варварам», обещает полякам, что дикие орды будут укрошены русскими войсками и изгнаны с берегов Вислы, а в одном из стихотворений, написанном под свежим впечатлением великокняжеского манифеста, поэт, «избавившись вдруг от тяжелого прошлого», рекомендует полякам соединить в единый напев их национальную песню «Еще Польска не сгинела...» с гимном русской империи» (S. 573).

¹⁹ *Любовь Никитична Столица* (урожд. Ершова; 1884–1934), поэтесса. См.: *Акимова М.В., Дворникова Л.Я.* «Дионисов чудный дар». Материалы для биографии Л.Н.Столицы // Лица. Биографический альманах. Вып. 7. М.; СПб., 1996. С. 5–29.

²⁰ О Блоке говорилось: «Лишь Александр Блок и Вячеслав Иванов не сошли во время войны со своего пути: модернист-миннезингер Блок непоколебимо продолжает воспевать в своих стихах мистическую Прекрасную Даму...» (S. 574).

²¹ «Городецкий, – сказано в статье, – воодушевился перспективами, которые откроются после «возвращения» «древнерусской» Галиции, и жаждет обрести Константинополь, который он также мечтает «освободить»» (S. 573).

²² Видимо, Белый имеет в виду следующую фразу: «После того, что уже сказал о той гуманной традиции в русской литературе, которая и поныне живет в лучших ее представителях, не вызывает удивления, что именно здесь, в России, даже во время войны так часто появляются переводы с немецкого языка» (S. 578).

²³ О «возражениях русской прессы» в статье не упоминается. Сказано следующее: «Некоторые, как, например, господин Коган и небезызвестный член Религиозно-философского общества господин Эрн, были глубокомысленно погружены в изобретение связей, якобы «напрямую» соединяющих Канта и Гете с заводами Круппа (!)» (S. 580). Имеются в виду: предположительно, одно из выступлений 1914–1916 гг. *Петра Семеновича Когана* (1872–1932), известного историка литературы, переводчика и критика марксистской ориентации; речь

философа и религиозного публициста *Владимира Францевича Эрна* (1882–1917) «От Канта к Крупну», произнесенная на публичном заседании московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 г. и опубликованная в «Русской Мысли» (1914. № 12; см.: *Эрн В. Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 308–318). Выступление Эрна вызвало исключительно сильный общественный резонанс и полемику в печати (см.: Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В.И.Кейдана. М., 1997. С. 596–604).

²⁴ Ср. развитие сходных положений в статье Андрея Белого «Современные немцы» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. 22 мая (№ 15573). С. 2):

«Возрастает стремление к изучению русской литературы: о Достоевском, Толстом я не стану уже говорить; тот считает себя поклонником Гончарова, тот цитирует Мережковского; по статьям последнего говорят о явлениях русской жизни; и книга Волинского — «Книга великого гнева» — находит читателя. Появилось сознание малого знакомства с Россией, появилось сознание примитивности прежде принятых мнений о русских; удивляют русские пленные, удивляет их способность на все, удивляют их разные изделия, представления о «варваре» навсегда поколеблены.

Литературу русскую переводят — теперь, в дни войны, собираются перевести еще более; отмечают юмор гоголевской «Женитьбы»; и эта пьеса с успехом проходит в Берлине; вторым томом выпущен Соловьев; и «Три разговора» находят поклонников. Переводится Салтыков-Щедрин («Господа Головлевы»); переведен «Грядущий Хам» Мережковского; собираются переводить Сологуба и Ремизова. Представитель книжной фирмы в Голландии, опираясь на повышенный интерес немцев к русским, говорил со мною о русской литературе как будущей моде в Германии и Голландии; и в журнальных статьях учащаются русские имена представителей литературы, науки, политики; появилась сочувственная статья о покойном М.М.Коваленском; появилась выдержка в «Zukunft» из статьи-предисловия Максимилиана Гардена к одной книге, она озаглавлена: «Чем обязаны мы русской литературе»; в «Literarische <так!> Echo» трактуют о русском народе и печатают разбор истекшего литературного года в России; разбирается Л. Андреев и Горький; отмечается расхождение прежних взглядов В.Брюсова с одушевляющими его ныне; разбираются чрезвычайно осведомленно представители многообразных течений русской поэзии; поминаются: Городецкий, Блок, Гумилев, Кузмин, Северянин, даже крайние футуристы; отмечается реферат г. Вл.Эрна «От Канта к Крупну»; и сочувственно приводятся возражения русской прессы.

Этот тон отсутствовал до войны: это все — показательно».

²⁵ Имеется в виду, определенно, публицист, поэт и общественный деятель *Иван Сергеевич Аксаков* (1823–1886), поскольку он упомянут в одном ряду с другими видными представителями поздней «почвенническо»-славянофильской мысли *Николаем Яковлевичем Данилевским* (1822–1885) и *Николаем Николаевичем Страховым* (1828–1896). Имя И.С.Аксакова и его выступления в русской печати пользовались в Германии в начале XX в. определенной известностью. Так, в классическом труде Освальда Шпенглера (в одном из рассуждений, посвященных России) И.С.Аксаков стоит рядом с Достоевским и Л.Н.Толстым (см.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. <Т.> I. Гештальт и действительность. Пер. с нем., вступ. статья и примеч. К.А.Свасьяна. М., 1993. С. 145 (том вышел в 1918 г.; написан в годы Первой мировой войны).

²⁶ Имеется в виду статья Мережковского «Св. София», посвященная известному константинопольскому храму «Айя-София». Статья вошла в сборник статей Мережковского «Грядущий Хам» (СПб., 1906), тогда же переведенный на немецкий язык. См.: *Der Anmarsch des Pöbels. Übersetzt von Harald Hoerschelmann. München und Leipzig, 1907.* — Помимо «Св. Софии» в немецкое издание вошли статьи Мережковского «Грядущий Хам» и «Чехов и Горький».

²⁷ Неточная цитата второй строфы известного стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

²⁸ Тот же ход рассуждений – в статье «Современные немцы»:

«В мнениях немцев – досадные aberrации: война-де вызвана тем огромным (?) течением, представители коего – Данилевский, Аксаков, Хомяков, Страхов и проч. ...славянофилы повинны-де в решении общества продолжать войну до конца; в одной интересной статье Хомяков назван тонкой и нежной душою с превратной идеей, а статья Мережковского “Святая София” придают иные чисто завоевательный смысл; идея освобождения славян-де, откровенная спекуляция на идеальном порыве народа.

Слова Тютчева о России:

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной –

эти слова по-своему ныне осознаны немцами; перед ними – шарада, и культур-трэгеры разрешают ее...».